

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

УДК 82.09 (091)

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ПАМЯТЬ А.С. ПУШКИНА

Л.Я. Воронова

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете. Предметом изучения стали статьи, доклады, монографии, отчеты, знакомство с которыми расширяет наши представления о развитии литературоведения в Казани и в России в целом.

Ключевые слова: Казанский университет, научные литературные общества, русская литература, критика, литературоведение.

Общество любителей русской словесности в память А.С. Пушкина было учреждено при Императорском Казанском университете в 1899 г. по инициативе профессоров кафедры истории русского языка и русской литературы Е.Ф. Будде и А.С. Архангельского. Но живое участие в его создании и работе принимал весь историко-филологический факультет, а также преподаватели с других факультетов и из других учебных заведений города. Основная цель Общества сформулирована так: «всестороннее исследование и разработка вопросов по истории языка, литературы и народной словесности русского народа и других славянских народов», «распространение среди русского общества сведений по вышеозначенным вопросам и содействие развитию интереса к занятиям общества» [1, с. 1]. За год на публичных собраниях слушалось по 13–14 докладов, рефератов, сообщений. Обзоры о работе Общества и статьи научного и критического характера публиковались на страницах российских газет и журналов, в собственном периодическом издании «Чтения Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете». Проблематика выступлений была очень широкая – от древнерусской литературы до европейского литературоведения, однако главное внимание было сосредоточено все-таки на изучении русской литературы.

Исследований, посвященных русской литературе XI–XVII вв., которые были представлены на заседаниях Общества, было немного, несмотря на то, что древнерусская история, литература и язык были предметом профессиональ-

ного научного интереса наиболее активных членов Общества – А.С. Архангельского, Е.Ф. Будде, Д.А. Корсакова.

Так, возможности сравнительного метода в литературоведении прекрасно продемонстрировал в докладе «Тип Византийского Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра» профессор кафедры греческого языка и литературы С.П. Шестаков. Он выявил и рассмотрел древние образцы литературного типа в Греции, затем охарактеризовал открытый в 1881 г. академиком В.Г. Василевским, но еще не изученный Византийский Домострой XI в. и, наконец, сравнив его с Домостроем Сильвестра, выявил черты сходства и национальное отличие русского памятника от греческого. Выводы, к которым пришел казанский ученый, стали достоянием широкой научной общественности благодаря публикации материала в 1901 г. в издании «Византийский временник».

В исследовании В.А. Боброва «История изучения Святославова Сборника 1076 г.» не только дана исчерпывающая библиография исследований и публикаций, посвященных Изборнику 1076 г., за 132 года (до 1900 г.), но и проведены глубокий анализ рукописи, сверка с печатными изданиями, греческими подлинниками статей, соотносимых с русским текстом, составлен полный словарь всех слов и всех их форм, какие встречаются в памятнике, обработаны некоторые главы грамматики Изборника [2, XV, с. 46].

А заслуженный профессор математики А.В. Васильев вполне квалифицированно оценил достижения отечественных филологов в изучении замечательного памятника XV в. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и своевременно поставил вопрос о необходимости его научного издания с комментариями, картами и написании популярной книги о тверском купце-путешественнике. Причем необходимость широкой популяризации сочинения Никитина Васильев аргументировал не только его большим воспитательным значением, недоступностью для широкого читателя, но и практическими потребностями современного общества, которому в начале XX в. предстояло «решить задачу установления оживленных торговых сношений с Персией и Индией, поставленную Афанасием Никитиным четыре столетия тому назад». И поскольку Поволжье, «благодаря географическому положению, выпадает в этой торговле важная роль», Васильев считал, что «брошюра, посвященная путешествию Афанасия Никитина с приложением карты его пути через Персию, будет прекрасным средством популяризовать в нашем Поволжье торговлю с Персией и идею приобщения ее к русской культуре» [2, V, с. 10].

Как бы ни были подобные сообщения занимательны для публики, все они имели характер случайности, в них не было единства, и каждый писатель стоял как бы вне связи с историческим ходом и развитием русской литературы. Желая восполнить этот пробел, председатель Общества А.С. Архангельский в 1903 г. внес предложение прочитать систематический курс по истории русской словесности и сам же открыл его докладом «Чтения по истории русской литературы». Содержание выступления не было повторением лекций по устному народному творчеству и древнерусской литературе. Материал был тщательно отобран, концептуально осмыслен и изложен доступным языком. Архангельский стремился выявить все факторы, влиявшие на развитие литературы, показать ее тематическое и жанровое своеобразие, обратить внимание на выдаю-

щиеся памятники слова, охарактеризовать деятельность первых русских авторов. Так же, как у С.П. Шестакова, национальное своеобразие русской литературы было продемонстрировано в контексте кипучей общественной жизни и широких иноземных связей и влияний.

Идея Архангельского с воодушевлением была встречена горожанами, которые в большом количестве явились на заседание Пушкинского Общества. В этом же году доклад Архангельского был опубликован в двух выпусках «Чтений...» [2, XX–XXI]. Но, к немалому огорчению казанцев, продолжения систематического курса не последовало.

Гораздо больше внимания уделяло Общество литературе XIX в.

Как и в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, в Казани отмечались главным образом юбилейные даты: в 1900 г. – 100-летие со дня рождения Е.А. Боратынского, В.И. Даля и 25-летие со дня смерти А.К. Толстого; в 1901 г. – 40-летие со дня кончины Т.Г. Шевченко и И.С. Никитина; в 1902 г. – 50-летие со дня смерти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, 25-летие со дня смерти Н.А. Некрасова; в 1903 г. – 50-летие со дня кончины А.В. Кольцова. Однако в докладах и сообщениях, посвященных литературным деятелям прошлого, обнаруживаются явный отход от традиционной юбилейной схемы, стремление обратить внимание на новые проблемы и вопросы изучения их жизни и творчества.

Например, А.С. Архангельский в речи «О личности и творчестве Е.А. Боратынского» [3], произнесенной на торжественном собрании в Казанском университете, обосновал актуальность всестороннего исследования личности и творчества Боратынского и проследил его эволюцию от юношеских стихотворений до последнего сборника «Сумерки». Акцент ставился на выявлении внутренней, духовной жизни поэта.

А.С. Рождествен в докладе «Жизнь и поэзия И.С. Никитина» опровергает распространенное мнение о Никитине как о малообразованном поэте-мещанине, вышедшем из «царства торговли, наживы, темного невежества и грубых нравов» [2, XV, с. 6]. Сравнивая поэзию Никитина с поэзией А.В. Кольцова, он убеждает слушателей в том, что ни по силе художественности, ни по своим темам и образам она не уступает последней, как это твердили критики.

Специалист в области классической литературы Д.П. Шестаков в работе «Памяти Т.Г. Шевченко» обратил внимание на «глубокий, задушевный, автобиографический характер» творчества украинского поэта и поднял вопрос о качестве переводов его стихов на русский язык, который еще не получил должного освещения в науке. Будучи сам талантливым поэтом и переводчиком, Д.П. Шестаков весьма сурово оценил поэтические вольности даже таких переводчиков, как Н.С. Курочкин и Л.А. Мей [2, X].

Необычный аспект затронут Д.П. Шестаковым и в исследовании, посвященном В.И. Далю. Автора интересует не столько деятельность Даля как учебного-лексикографа, автора «Толкового словаря живого великорусского языка» и собрания «Пословиц русского народа», сколько его художественное наследие. Он глубоко убежден, что литературный талант Даля был достаточно мощным и позволил бы ему войти в историю как художнику-описателю русской народной жизни, если бы его «не манило другое» [2, XIV, с. 12]. Поэтому он

подробно остановился на рассказах Даля, мало еще знакомых казанской публике. Верный своему подходу в изучении личности писателей, Шестаков выявил автобиографичность многих рассказов Даля, показал нерасторжимую связь художественного творчества с научной деятельностью. Весьма интересна его попытка найти параллели в рассказах Даля и произведениях Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого.

А Ф.Е. Пактовский в сообщении «А.К. Толстой и его поэтическое творчество» попробовал объяснить причину безразличия общества к творчеству поэта, сдержанные отзывы тогдашней критики и дать новую оценку таланту Толстого. В отличие от Д.П. Шестакова, в докладах которого всегда большое внимание уделялось фактам биографии, Пактовский сосредоточил внимание на творчестве Толстого, включая поэзию, эпические и драматические произведения. Вопреки мнению некоторых критиков, считавших, что произведения А.К. Толстого оторваны от русской почвы, Пактовский видит в нем поэта народного, с русской душой, служащего вечным и общим идеям добра, благородства, любви и дружбы [2, VII].

Особенно большую активность проявили члены Общества в период подготовки к 50-летию со дня кончины Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. Они поддержали предложение Общества любителей российской словесности (от 4 апреля 1901 г.) принять участие в чествовании писателей в феврале и апреле 1902 г. [4, л. 1].

Формы участия были разные.

Во-первых, на торжества, организованные Обществом любителей российской словесности совместно с Московским университетом, были командированы Е.Ф. Будде, «как ученый, занимающийся трудами о Гоголе», и А.С. Архангельский, «известный своими работами о Жуковском» [4, л. 4].

Во-вторых, по предложению Е.Ф. Будде была продумана и принята программа чествования памяти Гоголя и Жуковского в Казани, включающая «особые заседания в особый день в знак заслуг оных в деле просвещения России» [4, л. 7 об.]. С докладами выступили А.С. Архангельский («Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Итоги истории русской литературы к концу XIX столетия»), Ф.Е. Пактовский («Художественное и общественное значение сочинений Гоголя»), Д.П. Шестаков («Личность и творчество Н.В. Гоголя»), С.П. Шестаков («В.А. Жуковский как переводчик Гомера», «Заметки к переводам В.А. Жуковского из немецких и английских поэтов»).

В-третьих, свои исследования казанские ученые старались сделать достоянием широкой общественности. В «Чтениях» были изданы указанные работы С.П. и Д.П. Шестаковых, в «Русской мысли» была опубликована статья Е.Ф. Будде «Общественные условия литературной деятельности Н.В. Гоголя» (1901, кн. 11) и в «Русском филологическом вестнике» – его исследование «Значение Н.В. Гоголя в истории русского литературного языка» (1902, № 7), отдельным изданием вышел очерк Ф.Е. Пактовского «В день пятидесятилетия со дня смерти Н.В. Гоголя» (Казань, 1902) и т. д. Все публикации казанцев заняли достойное место в юбилейной литературе о Гоголе и Жуковском. Но нам хотелось бы обратить внимание на исследования С.П. Шестакова и А.С. Архангельского, посвященные В.А. Жуковскому.

В работах С.П. Шестакова «В.А. Жуковский как переводчик Гомера» [2, XXII] и «Заметки к переводам В.А. Жуковского из немецких и английских поэтов» [2, XXIII] была затронута очень актуальная, но малоизученная тема «В.А. Жуковский – переводчик». Компетентный специалист в области греческого, немецкого и английского языков, Шестаков буквально дословно и построчно сравнил переводы Жуковского с оригиналами и обнаружил следы той самостоятельной творческой работы, которую сам Жуковский считал необходимым условием перевода поэтического произведения. Он выявляет приемы и ряд особенностей Жуковского как переводчика, определяет ценность его подходов и отмечает, насколько удалась поэту миссия посредника между культурами. Причем в примечаниях указываются издания оригиналов, которыми пользовался Шестаков при сличении текстов. Материал, привлеченный в статьях, столь разнообразен, что рождает ощущение не только необыкновенной эрудиции Шестакова, но и свидетельствует об органичном использовании идей сравнительно-исторического метода в исследовательской практике казанских ученых.

Но самый весомый вклад в изучение и пропаганду наследия В.А. Жуковского внес А.С. Архангельский [5]. По предложению журнала «Нива» он подготовил и издал первое в истории литературоведения Полное собрание сочинений В.А. Жуковского в 12-ти томах (СПб., 1902). Ни одно из юбилейных исследований по объему проделанных изысканий, по актуальности и новизне, по значению для последующего изучения наследия Жуковского не может сравниться с изданием Архангельского, который был сразу признан современниками как крупный исследователь творчества Жуковского. Практически сто лет издание, редактором которого был Архангельский, оставалось самым полным собранием сочинений поэта. На него опирались все исследователи творчества Жуковского, как в России, так и за рубежом.

Конечно, большое значение придавалось в Обществе изучению и популяризации наследия А.С. Пушкина. Ежегодно проводились специальные заседания, посвященные творчеству поэта, издавались исследования, велась работа по собиранию материалов о пребывании поэта в Поволжье.

На заседаниях Общества с докладами «Об Академическом издании сочинений А.С. Пушкина» [6] и «Из провинциальной печати: А.С. Пушкин в Оренбурге» выступал в 1900 г. А.С. Архангельский. На протяжении многих лет он работал над курсом лекций по истории русской литературы допушкинского и пушкинского периодов.

Краеведческим аспектом активно занимался профессор кафедры философии Е.А. Бобров. В его статьях «А.С. Пушкин в Казани» [7], «А.А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов» [8] и др. рассматривались казанские страницы жизни поэта, круг его знакомых, наследие казанских литераторов первой половины XIX в., состояние провинциальной культуры пушкинской поры.

Е.Ф. Будде издал «Опыт грамматики языка А.С. Пушкина» (СПб., 1901–1904. Вып. 1–3) – фундаментальный труд о языке А.С. Пушкина, идеи которого проходят позднее через исследования многих выдающихся лингвистов (В.И. Чернышева, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.А. Булаховского и др.).

О просветительской направленности исследований казанских ученых свидетельствует их участие в обсуждении проблем школьного образования, в под-

готовке программ и учебников. В частности, А.С. Архангельский в «Заметках на программу по истории русской литературы и теории словесности, составленную комиссией Министерства Народного просвещения» требовал выделения литературной деятельности Пушкина в раздел школьной программы. Полемизируя с авторами программы, Архангельский величайшее значение Пушкина видит в том, что он был не только «результатом», «завершителем» предшествовавшего литературного развития (как отмечалось в программе), но и «великим *начинателем* нового могучего движения. «В лице Пушкина, – цитирует автор А.Н. Островского, – русская литература выросла на целое столетие» [9, с. 94]. Для него важно было, чтобы это осознали юные российские читатели.

Заметным явлением в методической жизни России стала публикация в Казани в 1903 г. «Сборника произведений русской словесности, принятых в женских гимназиях Казанского учебного округа для заучивания наизусть» под редакцией В.П. Брюханова. Раздел «Александр Сергеевич Пушкин» содержит не только стихотворения поэта (их 18!), но и краткую историю создания каждого, план анализа, вопросы и выдержки из высказываний о Пушкине выдающихся деятелей русской культуры.

Таким образом, можно сказать, что именно члены Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина положили начало систематическому изучению творчества поэта в Казани.

Вместе с тем важной стороной деятельности Общества была обращенность к современному литературному процессу. Практически половина докладов, прочитанных на заседаниях, – это доклады и сообщения о современной литературе. И в отличие от Московского Общества любителей российской словесности, особым стилем которого Р.Н. Клейменова считает любовь к юбилеям и «внимание к наследию литераторов, недавно умерших» [10, с. 311], о казанском обществе этого сказать нельзя.

Скорбные даты отмечались лишь три раза: 4 октября 1900 г. на Общем собрании с докладом «Памяти В.С. Соловьева как поэта» выступил А.С. Рождественский, на годовом собрании в 1900 г. чтити память Д.В. Григоровича, скончавшегося 23 декабря 1900 г., а заседание 10 ноября 1901 г. было посвящено памяти Гл.И. Успенского. Доклады были опубликованы в «Чтениях» и в газетах «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Авторам было крайне важно не столько рассказать об основных этапах деятельности писателей, познакомиться с произведениями (имена Григоровича, Успенского, Соловьева хорошо были известны казанской публике), сколько обратить внимание на особенности их личности, творчества и объяснить причины противоречивого отношения к ним критики и читателей. Например, в очерке А.С. Рождественского предстает во всей сложности и неоднозначности фигура поэта-философа Вл.С. Соловьева, в философско-созерцательной лирике которого прослежены традиции А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета [2, VIII]. Сквозь призму развития идеи народности в русской литературе XIX в. рассмотрено в докладе А.С. Архангельского «Очерк жизни и литературной деятельности Д.В. Григоровича» творчество Д.В. Григоровича [2, II]. Неожиданный ракурс в интерпретации Гл. Успенского содержит очерк Д.П. Шестакова «Семья и народ в произведениях Гл.И. Успенского», полемически направленный против «посмертных чествований», в кото-

рых «наблюдается больше партийности и популярничанья, чем подлинного траура» [2, XXIV, с. 4].

Если в выступлениях-некрологах происходило первоначальное осмысление созданного писателями, подводились некоторые итоги, определялся их вклад в развитие русской литературы, что отвечало задачам историко-литературной науки, то многочисленные обращения к творчеству здравствующих писателей ставили иную цель. Как отмечал Ф.Е. Пактовский «пока деятельность писателя еще не закончилась, пока не сказано им последнее слово, нельзя подводить никакого итога, нельзя точно и безошибочно определить значение этой деятельности; отзывы же и мнения современников о таком писателе будут лишь более или менее ясно обозначившимися впечатлениями от его произведений, из проверки которых лишь впоследствии создается веское, положительное слово» [2, III, с. 42]. Поэтому исследования, как правило, носили проблемный характер, в них затрагивались не только вопросы творчества, но и актуальные вопросы современной общественной жизни. Анализ их позволяет увидеть, в каком направлении шло осмысление современниками творчества Боборыкина, Горького, Короленко, Потехина, Чехова.

Весьма показательны в этом плане сообщение «Современное общество в произведениях А.П. Чехова» Ф.Е. Пактовского (заслушанное на заседании Общества в марте 1900 г.) и статья профессора Варшавского университета И.И. Замотина «Предрассветные тени. К характеристике общественных мотивов в произведениях А.П. Чехова», явившиеся откликом на критические выпады против Чехова в критике.

Авторы далеки от мысли, что Чехов – пессимист, как поспешили определить его мирозерцание некоторые критики на том лишь основании, что в его произведениях отражена только отрицательная сторона жизни и герой «бессилен, жалок или смешон». Проанализировав общественную и нравственно-философскую проблематику творчества писателя (проблемы интеллигенции, семьи и брака, воспитания и образования, любви и т. д.), Пактовский верно указал на авторскую позицию Чехова, обозначенную во всех произведениях: «Сила современных отрицательных явлений жизни <...> лишь в бессилии современного человека» [2, III, с. 8]. Другими словами, Чехов обратил внимание современников на самих себя и дал понять, что настоящее и будущее зависит только от самого человека. В этом Пактовский видит «жизненный смысл, идеал художника и его услугу обществу и науке» [2, III, с. 8]. А Замотин указал на первые изменения – «светлые блики», «предрассветные тени» в драматических произведениях Чехова «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад», а именно в лице их героев «младшего поколения», для которых восьмидесятники являются отжившим поколением. В новом отношении героев к труду, к прогрессу, к семье и браку, к просвещению Замотин увидел «солнечные блики, которые все растут и несомненно внесут в жизнь следующих поколений целые снопы мягкого и бодрого света» [2, XXV, с. 18].

Неожиданные ракурсы в интерпретации творчества современных писателей представлены в исследованиях пианиста А.В. Бирилева «О художественной и реальной правде в повести В.Г. Короленко “Слепой музыкант”» и публичных лекциях о творчестве Горького профессора-юриста Г.Ф. Шершеневича.

А.В. Бирилев, лишенный зрения, основываясь на собственном жизненном опыте, совершенно по-новому подошел к анализу содержания повести и психологии героев: шаг за шагом опровергает он доводы писателя относительно мироощущения и состояния слепого, считая, что недостаток практических сведений о слепых помешал Короленко верно передать их психологию. Вместе с тем Бирилев признал, что истинная драма слепого – в бессилии и ненужности. Он поставил важную проблему положения слепых в обществе и указал на возможные пути ее решения. Вопросы, поднятые Бирилевым, имели, безусловно, общественную значимость. Не случайно, по воспоминаниям Архангельского, многочисленная публика, переполнившая огромный зал университета, встретила сообщение Бирилева «громом единомышленных, долго не смолкавших рукоплесканий, превратившихся под конец в овации молодому, впервые еще выступающему на литературном поприще, даровитому исследователю» [11, с. 2–3].

Г.Ф. Шершеневич в исследовании «Герои Максима Горького перед лицом юриспруденции» также обнаруживает прекрасное знание творчества М. Горького, осведомленность о восприятии его читателями и критиками, стремление разобраться в спорных вопросах и мастерство анализа. Профессиональная деятельность обусловила внимание к проблеме «босяки и общество». Выявленные характерные черты босяков («слабость воли», отрицательное отношение к установленным правилам общежития, отсутствие связи с какой-либо общественной средой), каждая в отдельности, а тем более в совокупности, как утверждает Шершеневич, представляют некоторую опасность для общественного порядка. Поэтому автор разъясняет, что же такое право, как оно воздействует на общество, и выясняет, можно ли воспользоваться силой закона для противодействия асоциальным стремлениям героев Максима Горького. Иначе говоря, возможно ли их устроить, исправить, обезвредить. Заключение звучит как приговор: «Приняв во внимание, с одной стороны, свойство правовой угрозы, а с другой – психологию героев Горького, мы принуждены признать полное бессилие уголовной репрессии в отношении этой категории людей ввиду их уголовной невосприимчивости» [12, с. 21]. Снят романтический ореол с босяков! Поставлены вопросы: кто виноват? что делать? Что делать, чтобы спасти от босячества детей? Подобного рода исследования давали возможность казанцам не только познакомиться с творчеством современников, но и, актуализировав отдельную тему, выйти на проблемы социальные, философские, нравственные, что сближало литературоведение с критикой.

Собственно же исследований по истории и теории критики в Обществе практически не велось, гораздо больше внимания обращалось на современное состояние критики, поскольку в ней видели силу, способную оградить читателя от бесполезных книжек, сформировать литературно-художественный вкус.

В очерке «Н.К. Михайловский и его труды», например, посвященном сорокалетию литературной деятельности критика, Н.В. Рейнгардту удалось показать оригинальность идеи и непосредственное применение субъективного метода в социологических, публицистических и критических работах Михайловского, дать интересные сведения о его литературном окружении, журнальном контексте. Михайловскому в заслугу ставится создание замечательных характеристик Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко, М. Горь-

кого [2, XVII]. Учитывая, что Рейнгардт был редактором газеты «Волжский вестник», а Михайловский сотрудничал в этой газете, можно понять заинтересованность как автора, так и публики.

Недостатки современной критики, а точнее, критиков освещает А.С. Рождествен в полемической рецензии «Лев Толстой в критической оценке Мережковского». Считая Мережковского-писателя талантливым художником, сразу заявившим о себе в литературе, Рождествен оспорил позицию и методы анализа литературы Мережковского как критика. Жанр его работы можно назвать «критика на критику». Слабости эстетической и литературно-критической позиции Мережковского последовательно проанализированы и сделан вывод о непонимании Мережковским личности Толстого, а это мешает критику «правильно смотреть на Толстого как на художника». Вывод Рождествена однозначен: современная критика почти всегда недружелюбно относится к оригинальности и не готова к оценке Толстого. Он уповает на будущее, когда наконец-то критики и читатели поймут глубочайший смысл «истинно художественных произведений великого писателя» [2, XIII, с. 31].

Рассматривались на заседаниях Общества и актуальные проблемы восприятия русской литературы за рубежом. Авторы рефератов, обзоров, сообщений видели свою цель не только в том, чтобы дать общее представление о современной зарубежной русистике, но и в том, чтобы охарактеризовать отдельные работы с точки зрения их основной проблематики, жанровой специфики, метода.

Д.П. Шестаков, например, рецензируя книгу известного немецкого исследователя и переводчика русской литературы Э. Цабеля «Russische Literaturbilder. Berlin, 1899» («Русские литературные портреты», Берлин 1899) выделил три типа иностранных критиков: 1) беспристрастные и добросовестные исследователи текста; 2) зависимые от мнения русской критики; 3) самостоятельные, но тенденциозные. При анализе основных положений Цабеля о творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого Шестаков выявил его исследовательские принципы и показал, как соотносятся они с общим направлением переводов и изучения русской литературы в Германии. Среди недостатков, в частности, отмечены забвение принципов историзма, достоверности, объективности, некачественный перевод текстов (особенно «Войны и мира» Л.Н. Толстого), «узкая немецкая тенденция – принимать все русское, закрывая глаза на аналогичные факты в просвещенной Европе» [2, XI, с. 25]. Шестакову, тем не менее, свойственно было оптимистическое настроение. Он все-таки верил (и убеждал в этом современников), что в скором времени «Гоголь, Достоевский и Тургенев, в их подлинном виде и вдумчивом изучении», «откроют немецкому читателю русскую разновидность всемирной культуры, как открыли и открывают нам немецкое миропонимание давно знакомые и близкие русскому читателю Гете и Шиллер, Гауптман и Зудерман» [2, XI, с.61].

Проявляли в Обществе интерес и к новинкам в области изучения зарубежной литературы. Правда, предпочтение отдавалось только тем исследованиям, в которых затрагивались актуальнейшие теоретические проблемы, имеющие значение для решения вопросов не только зарубежного, но и отечественного литературоведения.

В 1901 г. Общество познакомило публику с переводом этюда Ф. Брюнетьера «Европейская литература», опубликованным в «Revue des Deux Mondes» в 1900 г. Статья представляет собой доклад Брюнетьера, сделанный им во время Конгресса по Сравнительной истории. В задачу Брюнетьера, который был на этом конгрессе председателем секции Сравнительной литературы, входило определение состава, программы и метода изучения европейской литературы, которая, наряду с великими восточными литературами, является лишь ветвью сравнительной литературы. Как подчеркивал Ф. Брюнетьер, «XIX век увидел развитие и формирование истории национальных литератур. Составление их сравнительной истории будет, без сомнения, делом XX века» [2, XII, с. 11]. И, возможно, подобно тому, как история национальных литератур содействовала укреплению в народах Европы чувства собственного единства и их самобытности, так и сравнительная история этих литератур поможет развитию в них чувства европейской солидарности как основы для единения. Принципиальное значение имел вывод автора относительно соотношения общеевропейского и национального: обобщение не должно стирать, игнорировать самого национального характера каждой литературы. Безусловно, знакомство с этой в высшей степени интересной работой Брюнетьера было полезным не только для ученых-филологов, которые занимались сравнительно-историческими исследованиями, но и для преподавателей школ, журналистов, студентов, гимназистов, интересующихся современным состоянием и перспективами развития науки о литературе.

Оценку прошлого и современного состояния отечественной науки можно найти в многочисленных рецензиях, статьях, историографических и библиографических обзорах, которые публиковались на страницах казанских, московских, петербургских периодических изданий. Поскольку наука индивидуализирована больше, чем другие сферы человеческой деятельности, авторы пытались не просто проанализировать труды ученых, а показать личность в науке. В связи с этим на протяжении всей деятельности Общества любителей русской словесности большое место среди сообщений и публикаций занимают статьи и биографические очерки, посвященные отечественным ученым. Они писались по поводу юбилеев, в связи с выходом монографий, по случаю кончины. Создание научных биографий деятелей отечественной науки, в том числе и профессоров Казанского университета, Архангельский, Александров, Корсаков, Нагуевский и др. считали назревшей задачей современной науки. Своими работами они способствовали формированию и развитию этого жанра.

Основателю казанской школы славяноведения В.И. Григоровичу была посвящена публичная лекция А.И. Александрова в пользу Семейно-педагогического кружка. Воспоминания об участии в работе IV Археологического съезда в Казани историка, этнографа, библиографа, академика, вице-президента АН Л.Н. Майкова опубликовал в «Историческом вестнике» Д.А. Корсаков [13]. Два капитальных труда о первых профессорах Казанского университета – Ф.К. Броннере и П. Цеплине – подготовил Д.И. Нагуевский [14, 15]. Сборник «Памяти Ивана Николаевича Смирнова», профессора Казанского университета, известного исследователя истории и культуры народов Поволжья, был издан в 1904 г. под редакцией А.С. Архангельского.

Но особенно активно занимался историографией А.С. Архангельский. Ему принадлежат юбилейные очерки об академиках А.Н. Пыпине и И.В. Ягиче, статьи-некрологи и биографические очерки о И.Н. Жданове, М.И. Сухомлинове, П.В. Шейне, А.С. Хомякове, И.Я. Порфирьеве, статьи об ученых-филологах в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона и в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета» под редакцией Н.П. Загоскина и др. Во всех очерках содержатся биографические факты, сведения об образовании, развернутая характеристика научно-педагогической деятельности: выясняется отношение ученого к достижениям предшественников, указываются конкретные направления и школы, к которым он был близок, а также своеобразие его взглядов и позиций, роль в развитии отечественной науки. Архангельский стремился избежать субъективности оценок путем применения принципа строгого историзма при анализе жизни и деятельности своих современников. Основным материалом для этого давали ему личные воспоминания (ведь со многими учеными он был знаком), письма, оценки современников и, конечно же, научные труды. И этот разнородный материал он сплавлял в цельный образ человека науки.

Таким образом, в условиях, когда только формировались жанры обобщающих историко-литературных исследований, в докладах, статьях, рефератах членов Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина был накоплен большой фактический материал, поставлены важные вопросы, касающиеся истории и современного состояния русской литературы, критики и литературоведения. Для них характерно отсутствие классового подхода, критическое отношение ко всем проявлениям субъективизма и тенденциозности, интерес не только к идейному содержанию, но и к художественной форме, повышенная требовательность к личности писателя, критика, ученого, внимание к достижениям отечественной и западноевропейской науки. На наш взгляд, Общество вполне справилось с поставленной задачей и, действительно, было «публичной университетской кафедрой историко-литературных и филологических исследований, доступных для широкой публики» [2, I, с. 4], и центром изучения новой литературы в Казани.

Summary

L.Ya. Voronova. Problems of Historical and Literary Investigations by Russian Literature Lovers' Society in the Memory of A.S. Pushkin.

The article considers the main trends of research carried out by Russian Literature Lovers' Society in the memory of A.S. Pushkin at Kazan University. The subjects of research were articles, reports, and monographs, which broaden the conception of literature studies development in Kazan and Russia.

Key words: Kazan University, scientific literature societies, Russian literature, criticism, literature studies.

Литература

1. Устав Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1899. – 13 с.

2. Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. Вып. I – XXV. – Казань: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1900–1904.
3. *Архангельский А.С.* О личности и творчестве Е.А. Боратынского // Под знаменем науки: Юбилейный сб. в честь Н.И. Стороженко. – М., 1902. – С. 28–48.
4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. – Оп. «Ист.-фил. фак.» – Д. 1819.
5. *Воронова Л.Я.* А.С. Архангельский как исследователь творчества В.А. Жуковского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 11–23.
6. *Архангельский А.С.* Академическое издание сочинений А.С. Пушкина. – Варшава, 1900. – 57 с. (Рецензия на кн.: Соч. Пушкина. Т. 1. Лирические стихотворения. – СПб., 1899).
7. Пушкин и его современники. – СПб., 1905. – Вып. III. – С. 23–67.
8. *Бобров Е.А.* А.А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов // Русская старина. – 1904. – Июнь. – С. 481–509; – Июль. – С. 5–35.
9. *Архангельский А.С.* Заметки на программу по истории русской литературы и теории словесности, составленную комиссией Ученого Комитета Министерства Народного просвещения // ЖМНП. – 1906. – Ч. 2–4.
10. *Клейменова Р.Н.* Общество любителей российской словесности. 1811–1930. – М.: Academia, 2002. – 624 с.
11. *Архангельский А.С.* Новый взгляд на повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант» (Сообщение А.В. Бирилева «О художественной и реальной правде в повести Короленко “Слепой музыкант”» в заседании Пушкинского общества, 29 октября 1900 г.) // Казан. телеграф. – 1900. – № 2394, 2395.
12. *Шершеневич Г.Ф.* Герои Максима Горького перед лицом юриспруденции. Публичная лекция, прочитанная 20 февраля 1904 г. в Казани. – Казань: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1904. – 31 с.
13. Ист. вестн. – 1900. – Т. 81, № 8. – С. 466–487.
14. *Нагуевский Д.И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850). – Казань, 1902. – 504 с.
15. *Нагуевский Д.И.* Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832): Ист.-лит. очерк. – Казань, 1904. – 358 с.

Поступила в редакцию
20.06.08

Воронова Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы Казанского государственного университета.
E-mail: voljudmila@yandex.ru